

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Р. Тончиев

СОКРАТ В "ХУЛНО ХУРЕНИТО" ЕЛЪЕ ЗРЕНБУРГА И ДР.

Пусть читатель, которому выпалознакомиться с "Хулио Хуренито" по 9-томному собранию сочинений И.Эренбурга или по какому-нибудь другому позднему изданию, не припоминая, чтобы он где-нибудь на страницах романа встречал имя Сократа, не подумает, что упоминание этого философа кануло туда же, куда канула глава о Великом Инквизиторе. Во всяком случае, в моем издании глава о Великом Инквизиторе есть, имени же Сократа, однако, нет. Тем не менее, Сократу в романе Эренбурга отводится некоторое место, может быть, даже весьма значительное.

Дело в том, что с личностью Сократа соотносены главный герой романа - Хулио Хуренито. С первых страниц /с титульного листа/ и до последних Хуренито называется "Учителем". Но что это за Учитель? - "Я называю Хулио Хуренито просто, почти фамильярно Учителем, - читаем мы во "Вступлении", - хотя он никогда никому не учил". Хуренито имел почтенного предшественника. Сократ, чьи ученики основали несколько философских школ, говорил о себе: "Я решительно никогда не был ничьим учителем" /Платон, "Апология Сократа" 33 а/. В чем же все-таки состояло учительство Хулио Хуренито, - коль скоро он назван учителем? Он был провокатором. Хуренито с гордостью принимал это прозвище. "Провокатор, - говорил он, - это величайшая повитуха истории" /"Вступление"/. Эти слова заставляют вновь вспомнить Сократа, его знаменитое сравнение своей деятельности с ремеслом повивальной бабки. А чем, как ни провокацией людей, претендующих на обладание какой-либо мудрости, занимался Сократ, можно сказать, всю свою жизнь?

Эти недвусмысленные параллели могут быть дополнены некоторыми менее определенными штрихами: разношерстность учеников; характер принятия смерти /в обоих случаях смерть насильственная и оба провоцируют своих убийц/; подобно тому как по инициативе Сократа Федон,

по имени которого назван знаменитый платоновский диалог, был некогда выкуплен из блудилища /этот анекдот сохранил Диоген Лаэртский - 11,9/, так и один из учеников Хуренито оказывается кассиром в публичном доме, откуда его в конце концов "спасает" Учитель /гл. XV1-XV11/; совершенно в духе сократовской иронии выдержана, например, история с декларациями Лабарданского Правительства, которые пишет Хуренито /гл. XV1V/.

Итак, в том, что с Сократом соотнесен главный герой романа - в этом мы теперь убедились. * Надо думать, что этот факт имеет смысл учитывать для правильного понимания романа Эренбурга в целом и его главного героя. Нас, однако, в паре Сократ-Хуренито будет сейчас интересовать Сократ - как он отражается в указанном соотнесении.

Акцент на "необучении", провокации и родовспомогательном искусстве совсем не тривиален для современных Эренбургу академических интерпретаций Сократа и сократического. Академическая наука, напротив, была занята попытками реконструкции некоей целой с и с т е м ы сократовских взглядов - системы, которую, стало быть, можно преподавать. Причем особое место /с опорой на одно суждение Аристотеля/ отводилось здесь сократовским определениям общих понятий. Сократовская же ирония, провоцирование собеседников, уподобление своего способа философ-

* Непосредственно Сократ подразумевается в гл. XV, в очередной речи-провокации Хуренито, в которой он восхваляет церковь: "Какой-нибудь мелкий афинский философшика уверял, что добро можно делать ради добра. Церковь сказала: "Нет. Ничего даром!!!" и т.д. Этот намек на Сократа рассеивает сомнения в сознательном сближении Хуренито с греческим философом.

ствования ремеслу повитухи и т.п. — все это воспринималось либо как черты личности Сократа, не относящиеся к его философии, либо как метод — в отличие от системы. Вспомним знаменитую алкивиадовскую характеристику Сократа в платоновском "Пире": силен с дудкой в руках, за которым скрывается бог. Выразаясь метафорически, академическая наука, в соответствии с весьма характерным для XIX в. строем мысли, пренебрегающим "внешним", с тем чтобы скорее раскрыть "сущность", игнорировала силеновское начало в Сократе /которое, к слову сказать, так прекрасно ощутил в свое время Рабле — см. начало "Гаргантюа"/.

Одна из описанного рода книг вышла на русском языке в 1923 г. в Берлине ^{жж} /где на год раньше были отпечатаны "Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников"/. Книга эта написана как популярный биографический очерк, и автор ее, впоследствии академик С.А. Жебелев, не стремится выйти за рамки этого жанра, хотя эрудиция пишущего не подлежит сомнению. Повторяю, книга Жебелева во многих отношениях типична. Исследование общих понятий автор, естественно, считает центром, вокруг которого вращается вся деятельность Сократа /стр.160/ и, рассуждая по-своему последовательно, удивляется тому, что об исследовании общих понятий ничего не говорилось на суде /там же/. С той же последовательностью он переходит к мысли /которая, думаю, удивит не только меня/, что в установлении общих понятий обвинители Сократа усмотрели опасность для всего государства /стр.168/.

Неудачен стиль Жебелева, превращающий личность Сократа в воплощение суммы банальных добродетелей. Вот образцы подобного стиля: "Этика Сократа построена на любви к людям и стоит под знаменем ярко выраженного оптимизма" /стр.125/, изречение "познай самого себя" стало, — пишет Жебелев, — "исповеданием веры Сократа". Подобным

^{жж} С.А. Жебелев, Сократ, Берлин, 1923. Мы будем иметь в виду, главным образом, отечественную традицию.

образом о Сократе писали сотни раз и до сих пор пишут. Именно так писать о нем нельзя. Стилистические промахи здесь принципиальны: они создают ложный антонационный контекст контекст значимый, за которым, в конечном счете, должно стоять неадекватное восприятие предмета.

Показательно, что в своем изложении Лебелев ориентируется главным образом на "Воспоминания" Исенофонта, который имел досадное обыкновение губить свой писательский дар плоским морализированием и плохо понимал сократовскую иронию. Справедливости ради следует отметить, что в книге С.А. Лебелева собран большой библиографический материал, имеются, конечно, удачные наблюдения. Не знаю, ищут ли эти достоинства книги, создаваемый ею ложный, односторонне педагогический, моралистический образ Сократа; я хотел только представить типичное сочинение о Сократе, современное роману И. Эренбурга.

х х х

Но 20-е годы в отечественной культуре были, как известно, временем преобладания ориентации на новаторство. Было бы странным, чтобы эта тенденция не коснулась восприятия одной из самых ярких фигур европейской истории. В 1925 г. появилась интересная книжка о Сократе Константина Сетонина "Сократ. Введение в косметик". Книжка состоит из двух частей, первая - "для историков философии", вторая - "для людей, еще не слишком заплеванных".

В отличие от лебелевской /и многих других/ монументально и серьезно интерпретаций сократического, К. Сетонин видит в Сократе "наиболее смелого философа". Его философия неотделима от его личности. Ирония - основная черта не только личности Сократа, но и его мировоззрения. Невозможно подобрать Сократу лучшую характеристику, чем антикваторская в "Цире" /сатир Марсия/. Сократ - и софист и скептик, но софист и скептик только путь. На самом деле он - ЦЕНИК, т.е. тот, для кого нет ничего слишком серъ

озного. Все ценности релятивизируются. Жизнь и ничто в жизни не стоят слишком серьезного отношения. Жизнь следует заполнить как можно большим количеством радости. Сократовская серьезность — ХИТРОСТЬ. Люди не могли вытерпеть ВЕСЕЛЫЙ СМЕШЛИВОСТЬ циника — циник стал ХИТРО ИЗДЕВАТЬСЯ, смеясь вдвойне. Процесс и смерть Сократа — его последнее издевательство и розыгрыш. Таковы в общих чертах идеи Сотонина /помимо косметики/.

Можно только солидаризоваться с убеждением Сотонина в неотделимости философии Сократа от его личности. Справедлива и высокая оценка характеристики Сократа в "Пире". Сотонин недооценивает, однако, того, что обратная сторона Сократа — Марсия — Сократ — божественный. Ирония Сократа — действительно важная черта его личности и мировоззрения, но она не цинична. Ирония циника — это ирония человека, обладающего некой законченной истиной /в жизни нет ничего серьезного/, причем другие люди продолжают наивно полагать, что в жизни очень много даже серьезного. Такая ситуация порождает дистанцию между циником, обладателем истины, и прочими. Циник смеется, сам оставаясь вне сферы осмеяния, чего не скажешь о Сократе. Поэтому сократовская ирония не цинична и не издевательство, поэтому она в принципе столь добродушна. Если, далее, Сократ — циник и релятивист, зачем он вечно вступает в диалоги и споры с другими людьми? Ибо, по замечанию М.М.Бахтина, "и релятивизм, и догматизм одинаково исключают всякий спор, делая его либо ненужным /релятивизм/, либо невозможным /догматизм/".^{*} Такие диалоги действительно мысли-

^{*} Ср. платоновский Сократ, обращаясь к софистам Эвтидему и Дионисендору: "не допуская ни прекрасного, ни доброго, ни белого и ничего в таком роде, не признавая различия между одним и другим, вы, по вашим же словам, просто загоразживаете людям уста" /"Эвтид". 303 Д-Е/.

мы лишь как издевательство — как и утверждает Сотонин. Но это утверждение вступает в решительное противоречие с платоновской "Апологией Сократа" — важнейшим из наших источников о жизни этого удивительного человека. Готов ли К.Сотонин пожертвовать этим сочинением? Во всяком случае, разговор о Сократе утратит тогда девять десятых своего смысла.

Наконец, обольщенный косметикой, К.Сотонин забыл о некоторых серьезных вещах, о чем не забыл автор "Хулио Хуренито", подчеркнувший в Сократе /через соотнесенного с ним Хуренито/ многие из тех же черт, что и К.Сотонин /помимо того, о чем уже шла речь, стоит отметить, что Хуренито нередко ведет себя в романе как истинный циник/; однако, тем уместнее звучит в гл. 1У намек на сократовское представление, согласно которому добро, с одной стороны, и польза, выгода — с другой, не являются чем-то противоположным, но что, напротив, нечто доброе не может вместе с тем не быть полезным и что нечто истинно полезное кому-нибудь никак не окажется следствием какого-то дурного поступка с его стороны, и не следует, таким образом, делать добро ради какой-либо выгоды, ради чего-либо, отличного от добра: добродетельный — счастлив. *

х х х

Те линии в интерпретации Сократа и сократического, которые мы находим в "Хулио Хуренито", а затем у К.Сотонина, получили в дальнейшем яркое развитие у М.Бахтина в "Проблемах поэтики Достоевского". Первый вариант этой книги появился еще в те же 20-е годы, но тогда Бахтин считал сближение диалога Достоевского с платоновским неподтвержденным. Поэтому страницы, посвященные Сократу, читатель найдет только в последующих изданиях книги. Мы

* Наши источники позволяют думать, что это убеждение для Сократа было не только рационалистически обоснованной конструкцией, но и психологической реальностью.

приведем несколько выдержек из Бахтина о Сократе и сократическом диалоге /несколько Бахтин говорит и о его устной, т.е. сократовской стадии; разрядка в цитатах будет на сей раз принадлежать не нам, а цитируемому автору/.

"В основе жанра лежит сократическое представление о диалогической природе истины и человеческой мысли о ней. Диалогический способ искания истины противопоставлялся официальному монологизму, претендующему на обладание готовой истиной, противопоставлялся и наивной самоуверенности людей, думающих, что они что-то знают, то есть владеют какими-то истинами. Истина не рождается и не находится в голове отдельного человека, она рождается между людьми и, совместно ищущих истину, в процессе их диалогического общения. Сократ называл себя "сводником": он сводил людей и сталкивал их в споре, в результате которого и рождалась истина, по отношению к этой рождающейся истине Сократ называл себя "повивальной бабкой", так как он помогал ее рождению. Поэтому и свой метод он называл "родоуспокоительным". Но Сократ никогда не называл себя единоличным обладателем готовой истины".

"Двумя основными приемами "сократовского диалога" являлись синкриза и анакриза. Под синкризой понималось сопоставление различных точек зрения на определенный предмет. Технике такого сопоставления различных слов-мнений с предмете в "сократическом диалоге" придавалось очень важное значение, что вытекало из самой природы жанра. Под анакризой понимались способы вызывать, провоцировать собеседника, заставлять его высказать свое мнение, и высказать до конца. Сократ был великим мастером такой анакризы: он умел заставить людей говорить, облачать в слово свои темные, но упрямые предвзятые мнения, освещать их словом и тем самым разоблачать их ложность или неполноту; он умел вытаскивать ходячие истины на свет божий... Синкриза и анакриза диалогизует мысль, выносит ее вовне, превращает в речевую, приобщает к диалогическому общению между людьми."

Событие, которое совершается /или, точнее, воспроизводится/ в "сократическом диалоге" является "событием искания и испытания истины... Идея в "сократическом диалоге" органически сочетается с образом человека - ее носителя /Сократа и других существенных участников диалога/. Диалогическое испытание идеи есть одновременно и испытание человека, ее представляющего".

Бахтин настаивает также на карнавальной основе сократического диалога. По его мнению, этот жанр "глубоко проникнут карнавальным мироощущением, особенно, конечно, на у с т н о й сократовской стадии развития." "Народно-карнавальные "прения" смерти и жизни, мрака и света, зныи и лета и т.п. - прения, проникнутые нафосом смел и веселой относительности, не позволяющими мысли остановиться и застыть в односторонней серьезности, дурной определенности и однозначности, легли в основу первоначального ядра жанра... Самое сократическое открытие диалогической природы мысли и истины предполагает карнавальную фамильяризацию отношений между вступившими в диалог людьми, отмену всяческих дистанций между ними; более того, предполагает фамильяризацию отношений к самому предмету мысли, как бы он ни был высок или важен, и к самой истине. Некоторые диалоги у Платона построены по принципу увенчания-развенчания. Для "сократического диалога" характерны зольные мезальянсы мыслей и образов. "Сократическая ирония" - это редуцированный смех" и т.д.

Бахтин долго не имел возможности публиковать свои работы. В 60-е годы ситуация изменилась; затем пришла слава. Те люди /каждый знает, сколь много их числится по ведомству гуманитарных наук/, которые прежде соображали свои писания исключительно с волей начальства, заметили, что теперь некоторое значение приобрело и общественное мнение. Публика, радуясь идеям Бахтина, противопоставлявшим диалог готовой, раз навсегда данной

истине, веселый карнавальный смех — односторонней официальной серьезности, готова была, казалось, пренебрегать любую работу, ради одной уже тени этих идей. Началась профанация идей Бахтина, и реакция, как в таких случаях полагается, не заставила себя долго ждать. Недавно эта реакция получила, наконец, публичное выражение в статье И.Д. Гапарова "М.М. Бахтин в русской культуре XX в." /Восточные моделирующие системы, Тарту, 1979/, в которой взгляды Бахтина оцениваются критически. Ввиду этого имеет смысл на бахтинской интерпретации Сократа остановиться несколько подробнее.

Характеристика, данная Бахтиным, реально демонстрирует органическое единство философии и жизни Сократа /тогда как другие чаще это единство декларируют, нежели оказываются способными его показать/, причем именно органическое, а не так просто, что дела Сократа не расходятся с его словами. За Бахтина, далее, говорит тот надежно засвидетельствованный нашими источниками факт, что Сократ ничего не писал, равно как и не проповедал проповедей, т.е. принципиально отказывался от системно-монологического изложения своей философии; последняя, таким образом, оказывалась действительно неотделимой от его личности и могла раскрыться только в общении с людьми.

Вопрос о достоверности платоновской "Апологии Сократа" обсуждался многократно. Приведем здесь в пользу ее достоверности в целом только одно, как кажется, необходимое изображение. В сочинениях Платона просматривается тенденция достаточно четко указывать на время действия диалогов Сократа и его собеседников и ситуацию, в которой они происходят. Причем часто и то и другое исключает присутствие Платона в качестве очевидца. Бывает, что действие диалогов относится ко времени, когда Платон был еще мал или вовсе не родился /например, "Протагор", "Хармид"/, в иных случаях обстановка исключает третьих лиц /"Федр", "Менексен"/, часть диалогов носит явно условный характер /"Тимей", "Критий", "Политик"/, в некоторых диалогах собеседники упоминают события, происшедшие или которые могли

произойти лишь после смерти Сократа /"Менон", "Менексен"/. Поэтому, когда Платон говорит: "Я был тут", следует думать, что он подчеркивает достоверность своего изложения. "Апология Сократа" — единственное произведение Платона, в котором он прямо указывает на свое присутствие как очевидца.

В своей защитительной речи Сократ рассказывает судьям, в чем состоит его мудрость: она заключается в осознании Сократом своего незнания; другие люди полагают, что знают какие-то истины, Сократ же сознает свое невежество — вероятно поэтому Пифия назвала его мудрейшим из смертных. Бахтин ничего не говорит об этом важнейшем сократовском принципе. Однако сократовский принцип незнания действительно глубоко может быть понят лишь как р е п л и к а /вот ты, Анит, знаешь, как управлять государством, вот вы, граждане афиняне, знаете, как надо воспитывать молодых людей, вот ты, Гиппий, можешь основательно рассуждать о любом предмете, я же знаю, что ничего не знаю.../. Это не только гносеологический, но и этический-политический принцип, противостоящий и официальному, и общеденному, и софистическому всезнанию. С этим принципом непосредственно связано и испытание людей. Именно из него вытекает фамильярное отношение к предмету мысли, самохарактеристики в духе амбивалентных снижений /"сводник", "новитуха"/. Этот принцип прокипический: мудрость в неведении. Также и определение общих понятий может быть объяснено исходя из сократовского принципа незнания: целью этих поисков окажется заставить собеседника, как говорит Бахтин, высказаться до конца /т.е. точно/, осветить словом его мысль и тем самым разоблачить претензию на обладание готовой истиной /это, разумеется, для Сократа и способ движения к истине/.

ОДНАКО, в иных существенных отношениях интерпретация Бахтина находится в резком противоречии с нашими источниками. Мы видим, что в подавляющем большинстве случаев Сократ манипулирует своими собеседниками, а не ищет истину в диалоге с ними. Следовательно, трудно приписать Сократу

представление о диалогической природе истины и человеческой мысли о ней. Странно также помыслить Сократа как режиссера площадных диалогов, гораздо правдоподобнее думать, что он, в духе своего времени, был просто заядлый спорщик.

Вызывает также сомнение мысль о карнавальной основе сократического диалога, особенно на его устной стадии /литературной мы сейчас не будем касаться/. Не говоря уже о том, что сама генеральная идея Бахтина нуждается в проверке: насколько то, что он называет карнавальным мироощущением, является г е н е т и ч е с к и карнавальным, — в этой позиции оказывается труднообъяснимым глубокий конфликт между Сократом и аттической комедией, родственной сократическому /согласно Бахтину/ по карнавальной основе.

Если теперь дать общую оценку бахтинской интерпретации фигуры Сократа /когда скоро мы уж свалимся оценивать/, то можно сказать, что общая характеристика Сократа как "диалогического" философа в том виде, в каком мы ее находим у Бахтина, не выдерживает проверки источниками, зато его частные характеристики представляются нам удачными и верными. Как нам кажется, они получили теперь более прочное основание /сократовский принцип незнания/, взятое из наших источников.

х х х

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что только такой подход к Сократу, который действительно предполагает неотделимость философии Сократа от его жизни, представляется плодотворным. Но крайней мере это предупредит от таких экзессов как /отнюдь не лишенная остроумия/ статья Е.Д.Роханского "Загадка Сократа" /1972/. Роханский /вослед Лигону/ подвел некий итог традиционному пониманию Сократа — вернее все-таки, худшим традициям такого понимания. Выделив три основные заслуги Сократа, как они преподаются в традиционных курсах истории философии (1. отказался от исследования природы и перешел к этическим вопросам; 2. утверждал, что в основе морального поведения

ложит знание; 3. исследуя добродетель, стал устанавли-
вать общие понятия), и настаивая на сомнительности при-
надлежности этих заслуг Сократу и всех понятий что-либо
добавить к этим трем положениям, Рожанский делает вывод:
никакого учения Сократа вообще не было, и история гре-
ческой философии может обойтись без Сократа.

Итак, Рожанский, встав на позиции традиционных кур-
сов, вскрывает изнутри их несостоятельность в том, что
касается Сократа. Его аргументы, правда, уязвимы и с
этих позиций. В частности, он не видит самостоятельную
важность установления общих понятий именно в этической
области. Но в целом он справедливо фиксирует контраст,
наличествующий в весьма многочисленных ученых сочинени-
ях, между декларациями о "великом изобретном пункте ис-
тории" /так еще Гегель выразился о Сократе/ и тем, что
сообщается о философии Сократа.

Вывод Рожанского о философии Сократа /что никакого
учения не существовало/ не столь уж парадоксален, как
кажется его автору. Действительно, никакого учения Сокра-
та как завершенной системы взглядов, могущей существо-
вать вполне независимо от личности их носителя, "вообще
не было". Да ведь и сам Сократ подчеркивал, что не был
ничьим учителем и что его мудрость заключается в созна-
нии собственного незнания. Рожанский, однако, не понял
этого принципиального своеобразия сократического. Он ни-
чего не говорил о сократовском принципе незнания, почти
ничего — о сократовской иронии, провоцировании собеседни-
ков, испытании их, о сократовском даймонии и проч.
Все это, считает Рожанский, "существенно прежде всего лишь
для характеристики личности Сократа, но к философии в
собственном смысле отношения не имеет". Естественно, при
таком подходе от внимания исследователя ускользает тот
факт, что Сократ создал новый стиль философствования и,
что еще важнее, ф и л о с о ф с к о г о п о в е д е -
н и я.

Снова вспомнив о "Хулио Хуренито", заметим следующее. Неудивительно, что воссоздание фигуры Сократа художественными средствами нередко удается лучше, чем научными. Причина здесь все в том же единстве, нерасторжимости сократовской философии и личности. Однако, последнее слово в вопросе о том, "как было на самом деле", остается за наукой.

oooooooo